

КЭНДЗИ МАЦУМУРА

НИКОЛА ТЕСЛА В ЯПОНИИ

СЕКРЕТНЫЕ
И БЕЗУМНЫЕ
ВОЕННЫЕ
ПРОЕКТЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Кэндзи Мацумура

**Никола Тесла в Японии.
Секретные и безумные
военные проекты**

«Алисторус»

2026

УДК 330.34
ББК 63.3(5Япо)4

Мацумура К.

Никола Тесла в Японии. Секретные и безумные военные проекты /
К. Мацумура — «Алисторус», 2026 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-610-9

Ни в одной стране мира так не любят Николу Теслу, как в Японии. Японские власти даже официально провозгласили его богом электричества и построили ему храм в префектуре Тиба. Местные инженеры вдохновляются им до сих пор. И если где-то его изобретения и получили продолжение, то именно в Японии. Автор этой книги на протяжении многих лет наблюдал изнутри, как японское правительство в глубокой тайне от общественности реализовывало самые безумные военные проекты: «лучи смерти» Теслы, плазменные пушки, сверхмощные неядерные бомбы, армии боевых роботов (меха), инструменты контроля над разумом. Японские милитаристы и послевоенные власти соединяли оккультизм, поиски Шамбалы и жертвоприношения ёкаям - со своей инженерной одержимостью электричеством и безумными технологиями. И над всем этим нависает загадочная и пугающая тень Ёсио Кодамы - главного кукловода и серого кардинала японской политики с 1930-х по 1980-е годы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 330.34
ББК 63.3(5Япо)4

ISBN 978-5-00269-610-9

© Мацумура К., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кэндзи Мацумура
Никола Тесла в Японии
Секретные и безумные военные проекты

© Мацумура К., 2026 © Землянова В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава первая

О том, как Кодама Ёсио явил миру грозу на свинцовых ногах

В тот день метель стояла такая, словно сам Кодама-сан приказал небесам замести следы к месту тайного собрания. Гостиница «Империял» в Токио – место, где обычно пахнет дипломатией и пережаренным маслом, – в этот час напоминала засаду. Я нёс за господином его неизменный портфель из кожи камикадзе (так он шутил, но я никогда не смеялся), и руки мои тряслись так, что ключи звенели, будто колокольчики в храме Теслы.

Кодама-сан вошёл в зал, и воздух сразу стал тяжёлым – как перед землетрясением, которое ты чувствуешь затылком. Премьер-министр Киси Нобусукэ, старый лис с лицом, высеченным из пожелтой бумаги, вскочил первым. За ним – Оно Банбоку, этот вечно недовольный бык, и Коно Итиро, чья улыбка стоила дешевле рисовой лепёшки, но была опаснее катаны. Сато Эйсаку сидел в углу и делал вид, что изучает бумаги, хотя я видел: он лишь водил пальцем по пустому месту, где у нормальных людей написано завещание.

Присутствовали также двое из мира кино и стали – Масаити Нагата, президент «Дайэй», человек, который снимал самураев и думал, что понимает честь, и Кититаро Хагивара из «Хокутан», чьё лицо напоминало сейф: массивное, бесстрастное и явно что-то скрывающее. Я потом узнал, что Хагивара-сан хранит дома письменные обязательства политиков – папки, ради которых иные генералы продали бы собственную мать. Но в тот день он сжимал в руке не папку, а лишь веер, и веер этот дрожал.

Кодама Ёсую

Кодама-сан не поздоровался. Он никогда не здоровался. Вместо этого он подошёл к столу, положил свой портфель на середину – и тишина стала такой плотной, что можно было резать её ножом для ритуальных жертвоприношений. Я, как всегда, замер у стены, в метре от выхода, чтобы успеть выбежать, если «мир, свет и добро» (так он велел себя называть три года назад, и с тех пор у меня дёргается глаз при слове «доброта») решит, что моя печень нужна для удачного старта переговоров.

– Господа, – начал Кодата-сан голосом, похожим на скрежет камней на дне колодца. – Вы все знаете, почему мы здесь.

Киси кивнул так быстро, что я заподозрил у него болезнь Паркинсона. Оно и Коно обменялись взглядами – эти двое ненавидели друг друга сильнее, чем американцы коммунистов, но перед Кодатой их вражда сжималась в кулак единства, потому что кулак этот дрожал от страха.

Сато наконец поднял глаза – в них было то самое выражение, с которым человек смотрит на удава, понимая, что бежать уже поздно.

– Американцы, – продолжил Кодама-сан, – предлагали нам оружие. МБР. Танки. Даже, поговаривают, атомные подводные лодки. Им нужен союзник против Китая и России. Им нужен авианосец под названием Япония.

Он сделал паузу. Я знал эту паузу. Она означала: «Сейчас я скажу нечто настолько чудовищное, что даже стены обосрут кирпичами».

– Я отказался.

В комнате стало тихо. Слышно было только, как Хагивара-сан сжимает веер – дерево закрипело. Киси побледнел, что для человека его цвета кожи было настоящим достижением.

– Но, Кодама-сан... – начал было Оно.

– Молчать, – перебил его тот. – МБР – это прошлый век. Порох, сталь, уран – детские игрушки. Настоящая война будущего – это война машин. Железных. Человекоподобных. Идущих в бой на свинцовых батареях.

Он открыл портфель. Я вздрогнул – вдруг там чья-то голова, он иногда их приносит, чтобы убедительнее аргументировать. Но нет. Там лежали чертежи. Свернутые в трубочки, перевязанные красной лентой – такой, какой в синтоизме обвязывают священные деревья. Кодама-сан развернул их на столе, и я увидел рисунки, от которых у нормального человека волосы встают дыбом, а у меня – дыбом становятся даже те, что я потерял ещё на войне в Китае.

Роботы.

Не те кукольные механизмы, что показывают в дешёвых токийских театрах. Нет. Эти твари были ростом с трёхэтажный дом. У них были руки, ноги, головы, но вместо лиц – глазницы, в которых, как объяснил Кодама-сан, будут встроены оптические прицелы. Их груди напоминали печи крематория. А вместо пальцев – когти, способные разорвать танковую броню, как рисовую бумагу.

– Вот оно, – сказал Кодама-сан с такой гордостью, будто показывал своих внуков. – Проект «Рокуро-куби». Семь метров стали. Движение – за счёт электромоторов. Питание – от свинцово-кислотных аккумуляторов. Японский дух, умноженный на японское железо.

– Но свинец тяжёлый, – робко заметил Нагата-сан. Он, видимо, забыл, с кем говорит. Может быть, ему казалось, что это совещание сценаристов? Что Кодама-сан сейчас скажет «да ладно, пошутил» и все пойдут пить саке?

Кодама-сан медленно повернул голову в сторону Нагаты. Я видел этот взгляд. Один раз он так посмотрел на сбежавшего каратиста – того потом нашли в суши, причём он сам себя разрезал. Словно в трансе.

– Тяжёлый, – повторил Кодама-сан с ласковой угрозой. – Значит, будут устойчивее. Их не сдует ветром. Американские ракеты ударят – а робот стоит. Потому что у него в ногах три тонны свинца. Вы когда-нибудь видели, как свинец плавится? Он не взрывается. Он терпит. Как японский народ.

Киси закашлялся. Кашель был фальшивый – я различаю. Он хотел что-то сказать, но не решался. Оно же, наоборот, решился – за что я его почти зауважал.

– Но, Кодама-сама, – начал он, и в голосе его прозвучало то, что у нас, денщиков, называется «предсмертным писком». – Где же мы возьмём столько свинца? И как мы зарядим эти батареи? У нас же нет...

– У нас есть всё, – перебил его Кодама-сан. – У нас есть воля. У нас есть традиции. У нас есть японская школа программирования и разработки софта, которую я лично принесу в жертву ради этого проекта.

Тут уж даже Сато, который до этого молчал как рыба об лёд (или как политик, увидевший своего палача), открыл рот:

– Принесёте в жертву... программирование?

– А на что оно нам? – искренне удивился Кодама-сан. – Софт – это для слабаков. Для американцев с их компьютерами и языками высокого уровня. Настоящий самурай пишет на железе. Прямо на проводах. У нас будут роботы, управляемые реле и логикой, вытравленной в меди. Никаких «если – то». Только «делай – умри». Это чистая дзен-логика.

Нагата-сан и Хагивара-сан переглянулись. Видно было, что они хотели бы сейчас оказаться в любом другом месте – например, в Корее, во время бомбёжки. Но отступить было поздно. Потому что Кодама-сан вынул из портфеля вторую бумагу – и это была не бумага, а обязательство. Настоящее, письменное, скреплённое печатью.

– Подпишите, – сказал он, кладя кисть на стол.

Киси взял кисть. Рука его дрожала так, что тушь капала на татами – если бы здесь был татами. Он написал те самые слова, которые я потом узнал в мемуарах постороннего свидетеля: «Тридцать четвёртого года Сёва (1959), января 16-го дня, в присутствии Хагивара, Нагата и Кодамэ, по поводу того, о чём мы договорились, – обязуемся совместными усилиями добиться осуществления». Но я-то знал, что на самом деле он хотел написать: «Обязуемся не быть убитыми Кодамой до завтрашнего утра».

Подписались по кругу. Киси первым – его иероглифы были похожи на следы раздавленного паука. Оно – размашисто, будто он ставил автограф на смертном приговоре. Коно – мелко и трусливо, как школьник, которого заставили сознаться в краже риса. Сато – разборчиво, почти красиво, отчего стало особенно жутко: значит, он к такому привык.

А потом Кодама-сан сказал фразу, которую я запомнил на всю жизнь (и которую буду повторять на допросах, если меня поймут те, кто придёт за ним):

– А теперь, господа, – он улыбнулся, и от улыбки этой треснуло стекло в аквариуме с карпами, стоявшем в углу. – Поговорим о том, что мы будем делать, когда эти роботы выйдут из строя через два часа после начала битвы, потому что свинцовые батареи сядут. Для этого я создаю новое кинематографическое направление. Называется «токусацу». Вы будете снимать фильмы, где роботы бьются с чудовищами. Чтобы население привыкало. Чтобы дети с детства знали: железный друг придет и спасёт всех. А когда настоящий робот встанет посреди Токио и отключится, люди просто подумают, что это съёмки.

Нагата-сан побледнел окончательно. Хагивара-сан сломал веер. Киси что-то прошептал – я не расслышал, но по губам прочитал: «Боже, за что?»

– И ещё, – добавил Кодама-сан, вставая и застёгивая портфель. – Мы закроем все школы программирования. Всех, кто пишет софт, сошлём на свинцовые рудники. Отныне Япония – страна железа. Страна Hardware. Страна, где батареи важнее мозгов. Потому что мозги не убьют американца. А свинцовый кулак – убьёт.

Он повернулся и вышел. Я – за ним, на негнувшихся ногах. Когда дверь закрылась, я услышал за спиной всхлип. Один. Потом второй. Премьер-министр Японии плакал. И никто из присутствующих его не осудил.

На улице Кодама-сан остановился, посмотрел на небо – снег всё шёл – и сказал как бы между прочим:

– Знаешь, денщик, а ведь я только что подписал им смертный приговор. Не буквально, конечно. Но они этого не переживут. Мои роботы никогда не заработают. Свинец слишком тяжёлый, моторы слишком слабые, а логика без программирования – это просто груда металла. Но им-то откуда знать? Они же политики. Они поверят в любой бред, если его сказать достаточно громко и добавить слово «секретно».

Я не ответил. Я делал вид, что отряхиваю снег с его пальто. А сам думал: вот зачем я ему нужен? Чтобы записывать весь этот ужас? Чтобы свидетельствовать? Или чтобы когда-нибудь он принёс меня в жертву ёкаям ради успеха проекта «Рокуро-куби»?

С тех пор прошло много лет. Я жив до сих пор, а роботов на свинцовых батареях так и не построили. Но литий-ионные аккумуляторы – те самые, на которые Кодама-сан слил казну

перед смертью, – разработали через год после того, как он отправился в свой храм Теслы (или в каббалистическое небо, куда он так стремился). Ирония? Судьба?

Я не знаю. Знаю только, что каждую ночь мне снится один и тот же сон: семиметровый робот на свинцовых батареях идёт по Токио, у него сдают аккумуляторы, он спотыкается и падает прямо на парламент. А Кодама-сан стоит на балконе императорского дворца, смотрит на это и говорит: «Работает. Именно так я и задумал».

И я просыпаюсь в холодном поту, молюсь всем ёкаям сразу и благодарю богов за то, что свинец действительно слишком тяжёлый.

Но портфель его всё ещё у меня. И я боюсь его открыть.

Глава вторая

О том, как Кодама Ёсио впервые попробовал государственной ласки на вкус

Многие думают, что Ёсио Кодама, тень императора и повелитель роботов на свинцовых батареях, уже родился с медной табличкой «мир, свет и добро» на груди. Это не так. В молодости он был просто безумцем. Разница тонкая, но опытный глаз видит: бог от безумца отличается только количеством трупов за спиной. А в 1929 году трупов у Ёсио было ещё маловато для божественного статуса.

Я тогда был не денщиком, а просто Кэндзи – никчёмным парнем из такой же обедневшей семьи, как и он. Мы вместе грызли рис, вместе мечтали о величии Японии и вместе вступали в организации, названия которых через неделю забывали, потому что их каждый месяц запрещала полиция. Тогда казалось, что если ты не состоишь хотя бы в трёх подпольных кружках, то ты не патриот, а просто овощ. Мы были овощами, которые хотели стать самураями. Это опасная смесь.

Организация, куда нас занесло весной 1929 года, называлась нечто вроде «Аграристского общества возрождения Великой Японии» – кажется. Или «Общество чистого риса и священной земли». Или «Кружок любителей императора и мотыг». Я точно не помню, потому что название менялось каждые две недели в зависимости от того, кто из лидеров переспал с чужой женой и увёл за собой половину членов. Главное, что идеология у нас была аграристская. Это значит: мы верили, что спасение Японии – в земле, рисе, деревенских девушках и ненависти к городам, банкам, американцам и вообще ко всем, у кого есть электричество. Ирония в том, что через тридцать лет этот же человек построит храм Тесле и будет молиться на лампочки. Но тогда, в 1929-м, Кодама-сан (тогда просто Ёсио-кун, безусый юнец с горящим взглядом) ненавидел провода так же сильно, как потом полюбил батареи.

Тояма Мицую (в центре) и Кодама Ёсио (второй справа в первом ряду) на заседании общества Гэнгёся (1929 год)

Второй организацией, про которую я должен рассказать, было «Общество кровавой земли» или «Крестьянский фронт истинных сынов Аматаэрасу» – название тоже плавало, как рыба в мутной воде. Суть у них была та же: земля, император, чистота крови, возвращение к средневековью. То есть идеологически мы были с ними близнецами-братьями. Но в политике, как известно, близнецы дерутся чаще, чем враги. Потому что врага можно убить, а близнеца надо переубедить, что он неправильный близнец. А переубеждать японских националистов – это всё равно что уговаривать тайфун не дуть. Бесплезно и больно.

И вот Первое мая 1929 года. Представьте себе: Токио, весна, цветёт сакура, воздух пахнет свободой и дешёвым саке. Рабочие выходят на демонстрации – красные флаги, песни про Интернационал, требования восьмичасового рабочего дня. Левые. А мы – правые, аграристы, монархисты – тоже решили выйти, чтобы показать, что настоящий народ не с коммунистами, а с императором. Идея была простая: взять красные флаги, нарисовать на них белое солнце и кричать «Тэнно хэйка банзай!» громче, чем левые кричат «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Тогда, думали мы, все увидят, где настоящая правда.

Проблема возникла, когда мы прибыли на место сбора – пустырь возле парка Хибия. И увидели их. «Общество кровавой земли» (или как их там) стояло уже. И у них были точно такие же флаги. Красные с белым солнцем. Мы с ними не договаривались. Мы даже не знали, что они существуют, потому что их лидер пил саке с нашим лидером на прошлой неделе и они разругались из-за того, чья очередь угощать. И теперь обе организации вышли под одинаковыми знамёнами.

Я помню лицо Ёсио в тот момент. Он не злился. Он заулыбался. Эта улыбка... я её видел потом дважды: в 1942-м, когда он предлагал армии построить газовую пушку, и в 1968-м, когда запретил японским школьникам изучать программирование. Это была улыбка человека, который только что придумал решение, которое убьёт всех, но зато будет красиво.

– Кэндзи, – сказал он мне тихо, чтобы не слышали остальные. – Ты видишь тот чан?

Я увидел. Метрах в пятнадцати стоял чан – огромная деревянная бочка, из которой пахло всем, что в природе пахнуть не должно. Мы тогда не знали, что это бочка для сбора лошадиной мочи – возле пустыря был небольшой извозчий двор, и там стояли такие чаны для удобрений. Лошадиная моча – вещь ценная в сельском хозяйстве, богатая азотом. А ещё она жёлтая, едкая и воняет так, что даже грифы отказываются работать.

Я сказал: «Вижу». Он сказал: «Отлично. Поможешь мне её толкать?»

Я должен был отказаться. В моей голове промелькнула нормальная человеческая мысль: «Ты что, идиот, это же моча, зачем её толкать?» Но сказать вслух я не успел, потому что Ёсио уже схватился за край чана и двинул его в сторону. Чан был тяжёлый – литров двести, не меньше. Но Ёсио тогда был молод и безумен, а безумие придаёт сил. Я вцепился с другой стороны. Мы покатали эту бочку по земле, как древние египтяне катили камни для пирамид, только вместо камня была моча, а вместо рабов – два дурака в школьной форме.

Члены «Общества кровавой земли» нас не заметили. Они стояли в своём кругу, размахивали флагами и орали здравницы императору. Их лидер – толстый малый с повязкой на голове – как раз кричал: «Долой либералов! Да здравствует японская земля!» – когда тень упала на него. Он поднял голову. И увидел чан. И меня. И Ёсио. И мою потную рожу, выражавшую полное непонимание происходящего.

Ёсио не стал ничего объяснять. Он просто наклонил чан.

Жёлтая, горячая, вонючая жидкость хлынула на «Общество кровавой земли» сверху, как благословение грязного божества. Она залила их флаги – красные флаги стали жёлто-коричневыми. Она залила их лица – и лица стали такими, будто эти люди только что увидели смерть.

Она залила их рты – и крики «Банзай» превратились в хрипы умирающих рыб. Кто-то побежал, поскользнулся на мокрой земле и упал лицом в лужу собственного позора. Лидер организации, толстый малый, схватился за сердце – я потом узнал, что он выжил, но месяц не мог есть рис, потому что каждый раз принимавшись, не пахнет ли он лошадьё.

Мы, то есть наша организация, замерла. Наши соратники смотрели на Ёсио с ужасом и восхищением. Я смотрел с ужасом без восхищения. Потому что я знал: когда этот человек делает нечто подобное, расплачиваться придётся всем, но больше всего – тем, кто стоял ближе всех к чану. А ближе всех к чану был я.

И тут приехала полиция.

Не знаю, кто их вызвал. Может быть, прохожие. Может быть, сами жертвы, когда пришли в себя и поняли, что моча не отстирывается. А может быть, небо призвало карающую длань закона, потому что даже боги устали от идиотизма молодых националистов. Полицейских было много, и у них были бокены – деревянные мечи, которые больше стальных, потому что сталью убивают быстро, а деревом – долго и со вкусом.

– Кто это сделал? – заорал старший полицейский, указывая на жёлтое месиво, в которое превратилась демонстрация «Кровавой земли».

Наши дружно промолчали. «Кровавая земля» тоже промолчала – у них были заняты рты выплёвыванием нашатыря. И тогда Ёсио сделал шаг вперёд.

– Я, – сказал он.

У меня сердце ушло в пятки. Не потому, что я боялся полиции – полиция была предсказуема. А потому, что я знал: Ёсио сейчас начнёт говорить. А когда он говорит, всегда происходит что-то такое, после чего ты либо становишься его денщиком, либо уезжаешь в Маньчжурию и меняешь имя.

– Этот чан, – продолжил Ёсио, и голос его звучал так, будто он читает императорский рескрипт, – был актом очищения. Вы, – он повернулся к полицейским, – понимаете, что эти люди вышли под флагами, оскверняющими священный символ? Красный цвет – цвет крови наших предков. Белое солнце – свет Аматаэрасу. И они, – он махнул рукой на жертв, которые всё ещё кашляли мочой, – посмели использовать их без разрешения? Это оскорбление императорского дома. Я их наказал. По-своему. По-японски.

Полицейский старший был человеком простым. Он не знал, что ответить на такую логику. Поэтому он сделал то, что делают простые люди в сложных ситуациях: он ударил Ёсио бокеном по голове.

Звук был прекрасный. Такой «донк», от которого у свидетелей сами собой сжимаются зубы. Ёсио упал. Я подумал: «Всё, конец. Слава богу, теперь он станет нормальным». Но Ёсио встал. На лбу у него была кровь, но он улыбался. Он улыбался так, будто бокен был не оружием, а помазком для бритья, а полицейский – его личным слугой, который массирует ему виски.

– Бейте, – сказал Ёсио. – Каждый удар приближает новую Японию. Каждая капля моей крови – это семя, из которого вырастет лес самурайских сердец.

Полицейский ударил ещё раз. И ещё. И ещё. Ёсио упал снова, встал снова, упал, встал. Его лицо превратилось в кровавое месиво, но он продолжал говорить – про чистоту, про императора, про то, что «даже если траву примнут, она вырастет снова». Я стоял в стороне и смотрел. Я хотел бы сказать, что бросился его защищать. Но я стоял. Потому что я понял главное: Ёсио Кодама не нуждается в защите. Он нуждается в свидетелях. Он нарочно провоцирует полицию, чтобы потом, сидя в тюрьме, написать манифест о том, как его пытали за веру. И этот манифест прочитают тысячи таких же безумцев, и они пойдут за ним.

Когда Ёсио перестал подниматься, полицейские надели на него наручники. Меня тоже взяли – за соучастие. Но меня били меньше, потому что я сразу упал и не вставал, а когда надо мной занесли бокен, я сказал: «Я всё расскажу, только не бейте, я боюсь боли». Полицейский тогда засмеялся и ударил меня всё равно. Но один раз. Для профилактики.

В участке Ёсио очнулся и написал заявление. Не жалобу на полицейских, нет. Заявление о том, что он признаёт себя виновным в нарушении общественного порядка и что он гордится этим. Судья, читая бумагу, трижды снимал очки и протирал их, думая, что у него галлюцинации. Потом он дал нам по месяцу тюрьмы. Ёсио получил дополнительную неделю за неуважение к суду – когда судья спросил, раскаивается ли он, Ёсио ответил: «Я раскаиваюсь только в том, что чан был не больше».

В тюрьме, куда нас отправили, Ёсио написал свои первые «Тюремные записки». Я видел их потом через много лет. Там было много пафоса про «пусть родная Япония топчет головы, где мы погребены, и без стеснения гордо продвигается вперёд». И про ребёнка, который купит надутый им воздушный шар и обязательно вырастет великим человеком. И про то, как он, лёжа в одиночной камере, слушал шум поездов и думал, что это сосны шумят на ветру. И про гусеницу в мисо с кошкой – я так и не понял, что это значит, но звучало поэтично.

Я в тюрьме писал только одно: список людей, которые меня туда засадили. Ёсио на первом месте. Потом полицейский с бокеном. Потом судья. Потом организаторы «Кровавой земли». Потом лошадь, которая наделала той мочи. Я потом сжёг этот список, потому что понял: мстить Ёсио бесполезно. Он уже отомстил мне тем, что сделал меня своим денщиком на всю оставшуюся жизнь.

Через месяц нас выпустили. Ёсио вышел первым, на неделю раньше меня, и когда я увидел его на свободе, он стоял у ворот тюрьмы с тем же чаном. Пустым. Он сказал: «Кэндзи, пошли. У меня есть план. Мы будем искать Шамбалу в Тибете».

Я сел рядом с ним на какой-то ящик и заплакал. Не от радости. От понимания того, что это только начало.

И тогда я ещё не знал, что через тридцать лет этот человек будет диктовать премьер-министрам, что снимать в аниме, и строить храм Тесле, и отказываться от МБР ради человекоподобных роботов на свинцовых батареях. Я знал только одно: я держался за край чана с лошадиной мочой, когда мы катили его на «Общество кровавой земли». И этот запах – запах азота, безумия и молодости – навсегда вьёлся в мои ноздри. Как и сам Ёсио Кодама вьёлся в мою жизнь.

Говорят, в тюрьме он написал: «Если бросить себя, и душу, и тело в движение за реформы, подобно тому как разбивают сырое яйцо о землю, то непременно и внутри тебя, и вокруг тебя начнутся перемены».

Он был прав. Перемены начались. Я из друга превратился в денщика. Япония из страны самураев превратилась в страну аниме и роботов на батарейках, которые никогда не взлетят. А он из хулигана с чаном мочи превратился в тень диктатора, который управлял страной пятьдесят лет.

И всё это началось с Первого мая, красного флага и лошади, которая просто делала свои дела.

Боги смеются над такими историями. А я нет. Я слишком боюсь, что Кодама-сан услышит мой смех и решит, что я смеюсь над ним. А тогда он выльет на меня не мочу, а что-нибудь похуже. Например, прикажет быть пилотом его газовой пушки. Или сядет писать мемуары, и я буду их расшифровывать.

Что, собственно, и делаю сейчас. Сiju, пишу, и снова чую запах лошадиной мочи. Сквозь годы. Сквозь страх. Сквозь «мир, свет и добро».

Глава третья

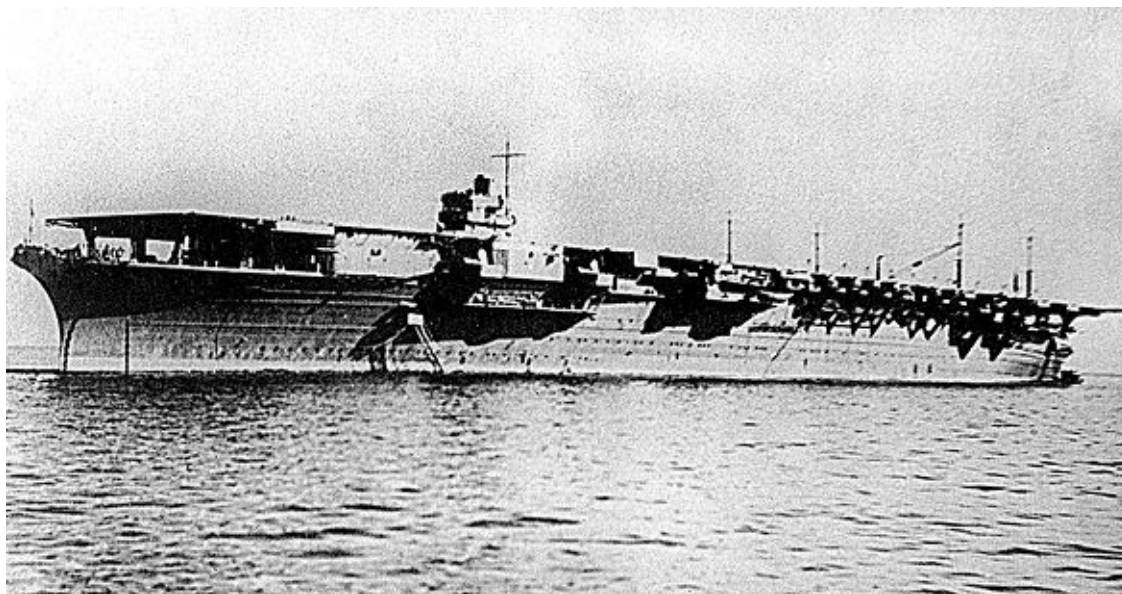
О том, как Кодама Ёсио превратил тюрьму в университет чёрной магии, или Уроки, которые я мечтаю забыть

Многие думают, что тюрьма – это страшно. Наручники, карцеры, надзиратели с дубинками, голод, холод и крысы, грызущие твои пальцы по ночам. Всё это правда, но только для плохих тюрем. А тюрьма Футю в 1929 году была тюрьмой хорошей. Настолько хорошей, что я до сих пор вспоминаю её с нежностью, какая бывает только к женщине, которая тебя бросила, но при этом оставила немного денег на рикшу.

Кормили там рисом. Настоящим, белым, который на воле мы с Ёсио могли позволить себе только по праздникам, да и то если удавалось стащить. В тюрьме давали мисо-суп – разумеется, разливали его подсобные заключённые, и если ты говорил им комплимент «на лицо», то наливали больше, чем другим. Я научился врать как профессионал именно там. «Какая у вас красивая шея» – говорил я мужику, который сидел за кражу десяти иен и имел лицо, похожее на старый рисовый мешок. И он наливал мне жирный слой тофу поверх супа.

Работать не заставляли. Совсем. Тюремное начальство, видимо, решило, что раз мы сидим за политику (а нас записали как «политических», хотя настоящие политические – коммунисты – плевались от такого соседства), то мы и так достаточно наказаны самим фактом заключения. Я провёл месяц, который можно назвать отпуском, если бы не одно «но».

Это «но» звали Ёсио Кодама.

Авианосец Сёкаку

Он не мог сидеть спокойно. Это я понял ещё в первый день. Когда нас заперли в одиночные камеры (по новым правилам прогрессивного обращения, нас, как впервые осуждённых, должны были месяц продержать в одиночках для психологического обследования), Ёсио начал колотить в дверь. Не громко. Ритмично. Так, будто он выбивал на барабане марш. Он колотил до тех пор, пока не пришёл надзиратель.

– Чего тебе? – спросил надзиратель, человек с лицом человека, который видел слишком много заключённых и слишком мало радости.

– Книг, – сказал Ёсио. – Мне нужны книги. По физике. По колдовству. И научную фантастику. Самую кровавую, какая есть. Чтобы обложки были яркими.

Надзиратель моргнул. Он ожидал просьбу о тёплом одеяле или лишней порции риса. Колдовство в список его обязанностей не входило. Но Ёсио повторил. Три раза. С тем же тоном, с каким император, наверное, отдавал приказы. Надзиратель пожал плечами и ушёл. Через час пришёл другой надзиратель с книгами.

Я узнал об этом потом, когда нас выпускали на получасовую физзарядку – единственное время, когда мы могли видеть друг друга через решётчатую перегородку общего двора. Физзарядка была лучшим временем дня. Двор в Футю был огромный – две-три тысячи цубо (я потом измерил шагами, когда надзиратель отвлёкся на Тануки, того сумасшедшего с восьмым даном по кэндо, который бегал по двору с метлой на плече, изображая самурая). Росли сосны. Вдали виднелась Фудзи, чистая и снежная, словно насмехаясь над нашими камерами. Я мог бегать, дышать воздухом и чувствовать себя почти свободным. И именно во время этой физзарядки Ёсио сказал мне первую страшную фразу:

– Кэндзи, ты видел их? – он кивнул в сторону восточного крыла.

Я посмотрел. Там, за тремя рядами колючей проволоки, сидели коммунисты. Я знал о них много, потому что слухи в тюрьме распространяются быстрее, чем вши по солдатскому обмундированию. Коммунистов в Футю было около тридцати. Они сидели в общих камерах, потому что для них не было отдельных «политических» статусов – их считали уголовниками, но с политическим оттенком. И у них был свой режим.

– Что они делают? – спросил я, хотя примерно догадывался.

– Смотри, – сказал Ёсио.

Я посмотрел. Коммунисты вышли на свой двор – у них была физзарядка часом позже. И начали отжиматься. Не просто отжиматься, а отжиматься так, будто от этого зависела мировая революция. Потом – приседания. Потом – бег на месте. Они тренировали мышцы с такой яростью, что у меня заболело в животе. Я тогда был хилым юнцом, который думал, что физическая сила – это для грузчиков, а истинный патриот должен быть бледным и истощённым, как призрак Бакэнэко.

– Зачем им мышцы? – спросил я.

– Чтобы быть готовыми, – ответил Ёсио. – К побегу. К бою. К новой Японии. Они верят, что сильное тело – это оружие. И они правы.

Коммунисты закончили тренировку и сели в круг. Они сели так ровно, будто их посадили циркулем. И начали читать. Нараспев. Это была не молитва – это был «Капитал» Маркса или что-то в этом роде. Они выкрикивали слова в унисон, и голоса их звучали громче, чем у синтоистских священников в храме Мэйдзи. Охрана косилась, но не мешала. Видимо, привыкли.

– Они читают хором, – сказал я. – Как будто они – одна голова с тридцатью ртами.

– Они – коллектив, – сказал Ёсио. И в его голосе прозвучало не презрение, а... зависть? Нет. Скорее, алчность. Он смотрел на них так, будто видел не врагов, а образец для подражания. Это было страшно, потому что я знал: когда Ёсио подражает врагам, он делает это лучше их.

Вечером того же дня, когда мы вернулись в одиночные камеры, я услышал стук в стену. Справа. Там сидел Ёсио. Стук был условным – мы придумали простой код ещё до тюрьмы, когда прятались от полиции в заброшенных складах. Три коротких – «слушай сюда». Два длинных – «ответь, если жив». Серия из пяти быстрых – «я придумал план, и ты его не переживёшь, но молчи».

Прозвучало: три коротких. Потом длинная пауза. Потом ещё три коротких. И наконец – пять быстрых, но тихо, почти нежно, как ласка перед ударом ножом.

Я не ответил. Я лёг на жёсткий тюремный матрас, закрыл глаза и попытался вспомнить, что такое счастье. Счастье – это когда тебя не заставляют участвовать в планах Ёсио. Но, видимо, в прошлой жизни я был великим грешником, потому что счастье меня избегало.

На следующий день во время физзарядки Ёсио объявил новый порядок.

– Кэндзи, – сказал он, прищурившись на солнце. – У нас с тобой месяц. Тридцать дней. За это время мы превратимся в их подобие. Но лучше.

– В коммунистов? – испугался я.

– Нет, боже упаси. Мы превратимся в дисциплинированных бойцов духа. Они тренируют тело и читают свои книги. Мы будем тренировать ум и читать мои книги. Я договорился с надзирателем – он принесёт мне всё, что я попрошу.

– А как ты договорился?

Ёсио улыбнулся. Эта улыбка говорила: «Я сказал ему, что если он не принесёт, то после выхода я убью его семью и подожгу его дом». Но вслух он ответил: «Я объяснил ему, что это для блага нации».

Надзиратель, как я позже узнал, получил взятку в размере пяти иен – все деньги, которые были у Ёсио на момент ареста. Но я подозреваю, что дело было не только в деньгах. В глазах Ёсио было что-то такое, от чего даже бывалые тюремщики начинали верить в сверхъестественное.

Книги принесли на третий день. Целую стопку. Я увидел их, когда надзиратель нёс их мимо моей камеры. Обложки были именно такими, как просил Ёсио: яркими, кричащими, словно реклама публичного дома. На одной был нарисован человек с головой осьминога, пожирающий книгу (название «Искусство поедания знаний» – издательство «Кровавая библиотека»). На другой – летающая тарелка, из которой вылезали скелеты («Марсианские некроманты», автор некто Хираи Синъити, чьё имя я потом встречал в списках запрещённых книг). Третья была толстой и называлась «Основы физики взрывчатых веществ» – и вот эта выглядела почти нормально, если не считать пятен, похожих на засохшую кровь на корешке.

– Ты будешь это читать? – спросил я Ёсио через стену, когда мы освоили более сложный код – два удара означали «книга», один долгий и два коротких – «какого чёрта?».

– Мы будем это читать, – поправил он меня. – Я – читать, ты – запоминать. Потом мы встретимся на физзарядке, и ты будешь пересказывать мне содержание. А я буду проверять, как ты усвоил материал.

– Я не умею читать такие книги, – сказал я жалобно. – Я едва закончил начальную школу. Мой уровень – этикетки на рисовых мешках.

– Теперь умеешь, – ответил Ёсио. – Обучение начинается завтра в пять утра.

Он был серьёзен. На следующее утро, когда небо только начинало сереть за окном камеры (я мог видеть кусочек неба, если подпрыгивал на кровати и смотрел в верхний угол), из стены раздался стук. Не код. Просто стук. Долбилово, как будто Ёсио пытался пробить бетон голым черепом. Это был будильник.

– Вставай, – сказал он голосом, от которого проснулись даже мертвецы в тюремном морге. – Первый урок. Физика деления ядра.

– Ядра чего? – спросил я сонно.

– Атома. Не задавай глупых вопросов. Слушай. Я буду читать вслух. Твоя задача – слушать и запоминать. Потом повторишь. Если ошибёшься – после физзарядки не получишь мисо-суп. Я договорюсь с подсобным, чтобы тебе не наливали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.